

На правах рукописи

Солдатов Антон Анатольевич

**СТЕФАН КЕНЕВИЧ
И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»
(Новая и Новейшая история)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Калининград — 2018

Работа выполнена в Институте гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Научный руководитель: **Дементьев Илья Олегович**
кандидат исторических наук, доцент,
доцент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»

Официальные оппоненты **Горизонтов Леонид Ефремович**
доктор исторических наук,
профессор Школы исторических наук
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет „Высшая
школа экономики”»

Аржакова Лариса Михайловна,
доктор исторических наук, доцент кафедры
истории славянских и балканских стран
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Ведущая организация **ФГБУН «Институт славяноведения РАН»**

Защита состоится «25» января 2019 года в 10:00 часов на заседании совета Д 212.084.07 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата исторических наук при ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по адресу: 236016, г. Калининград, ул. Невского, д. 14, конференц-зал «Скворечник».

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, 2). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по интернет-адресу: <https://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/234707/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат социологических наук, доцент

Е.С. Фидря

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование представляет собой работу по интеллектуальной истории, призванную не только представить биографию польского историка Стефана Кеневича (1907—1992), но и проанализировать контекст его творчества, конкретные события в истории польской науки и общественной мысли. Судьба Стефана Кеневича во многом отражает противоречивую историю XX века. Он родился в Российской империи, начал научную карьеру во II Речи Посполитой, после Второй мировой войны встал перед проблемой выбора отношения к новой политике, а скончался после того, как началась трансформация политической системы в Польше. Ученый посвятил свою жизнь науке: библиография его работ насчитывает более 800 наименований, а книги переведены на несколько языков, в том числе русский. Работы историка занимают важное место в историографии польского повстанческого движения и, в частности, Январского восстания 1863 года.

Научная актуальность настоящего исследования обусловлена рядом причин. Во-первых, продолжается ревизия достижений исторической науки бывших социалистических стран. Нередко можно констатировать нежелание некоторых авторов разделять марксистскую идеологию и марксизм как метод исследования, что затрудняет адекватную оценку вклада историков в развитие науки.

Во-вторых, диссертация помогает проследить развитие польско-советских научных отношений, в которых Кеневич сыграл не последнюю роль. Он был руководителем группы польских исследователей в совместном издании источников по истории восстания 1863 года¹, членом Комиссии советских и польских историков и участником других академических проектов. Взвешенная оценка польско-советских отношений требует изучения конкретных случаев сотрудничества и опыта взаимодействия отдельных участников этого процесса.

В-третьих, ни в Польше, ни в России до сих пор не было проведено комплексного исследования творчества Кеневича, хотя его труды используются при изучении как польского восстания 1863 года, так и в целом истории обеих стран. В то же время диссертационное исследование вписывается в ряд научных работ, подготовленных в последние годы отечественными специалистами и посвященных польским ученым².

¹ *Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty*. Восстание 1863 года. Материалы и документы. Wrocław; М., 1961—1986. Т. 1-25.

² *Туманин В.Е.* Ян Рутковский и развитие социально-экономических исследований в Польше // *Clío Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2008. Вып. 6. С. 119-133; *Туманин В.Е.* «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского. Казань, 2008; *Гатилова А.В.* Виктория Сливовская как историк польской ссылки // *Clío Moderna*. Казань, 2011. Вып. 8. С. 57-71; *Шарифжанов И.И.* Профессор Виктория

В-четвертых, исследование способствует углублению понимания различных аспектов развития польской историографии в XX веке, преимущественно в Польской Народной Республике.

Объектом диссертационного исследования выступает польская историческая наука в контексте развития исторической мысли и общественно-политических изменений в XX веке.

Предметом исследования является жизнь и научное творчество Стефана Кеневича, отражающие сложности профессиональной деятельности историка и, в частности, его теоретико-методологического поиска, а также особенности его взаимодействия с научным сообществом.

Хронологические рамки работы обусловлены годами жизни Стефана Кеневича — 1907—1992.

Теоретическая и методологическая основа. Диссертация носит междисциплинарный характер, опираясь на методы биографики, интеллектуальной истории и истории науки. В основе исследования лежат принципы научности и историзма, которые позволяют в динамике рассмотреть историю польской науки и взгляды Кеневича.

При проведении исследования были использованы как общенаучные (анализ, синтез, обобщения), так и специальные методы: биографический, компаративистский и историографический анализ. Жизнь ученого представлена как череда переживаний общественных катаклизмов, личных и профессиональных достижений, судьбоносных решений. Анализ его творчества и научной деятельности в социально-культурном контексте позволяет определить влияние общественно-политических и научных тенденций на презентацию прошлого историком. Его биография используется как отражение особенностей развития польской исторической науки, многообразия подходов описания прошлого и перипетий советско-польских научных отношений.

Компаративистский анализ исследований Кеневича и трудов других историков позволяет проследить развитие его историко-теоретических взглядов, выявить рецепцию идей ученого в советской историографии и оценки его творчества современными исследователями.

Благодаря историографическому анализу удастся вычленить в современной науке проблемы и нерешенные вопросы по теме диссертационного исследования и, соответственно, прирастить научное знание, восполнить некоторые пробелы в изучении прошлого.

Целью диссертационного исследования является определение роли Стефана Кеневича в развитии польской исторической науки в XX веке.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

Сливовская: «наша любовь» // *Clio Moderna*. Казань, 2011. Вып. 8. С. 7-16; *Синицын В.О.* Польская интеллигенция после Второй мировой войны. Виктория и Рене Сливовские: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012.

1. Установить, какое влияние на Кеневича оказали его происхождение, воспитание, среда, в которой он вырос. Проследить основные этапы формирования Кеневича как ученого (учеба в Познани и Варшаве). Выявить факторы, сформировавшие его мировоззрение, и найти их отражение в довоенных работах историка.

2. Рассмотреть, как происходила трансформация теоретико-методологических взглядов Кеневича в контексте сталинизации и десталинизации науки. Этот анализ является важным для понимания позднейшей концепции польских восстаний Кеневича.

3. Проанализировать видение Кеневичем истории Январского восстания, выраженное в одноименной монографии, сравнить с его довоенными взглядами и определить место его концепции в историографии. Акцентировать внимание на 1863 году как важной вехе в истории российско-польских отношений, ставшей центральной исследовательской темой в творчестве ученого. Проследить профессиональный путь историка в ПНР и его влияние на развитие польской науки.

Источниковую базу можно разделить на три группы источников:

— делопроизводство государственных (политических и научных) институтов, в том числе материалы научных съездов и конференций;

— источники личного происхождения;

— исторические работы Кеневича.

Делопроизводство разных научных и политических институтов отражает историю польской науки. В архивах Института истории ПАН (Варшава) и Ягеллонского университета (Краков)³ сохранились служебные документы, связанные с биографией ученого: материалы личного дела, докторской и диссертационной работ, заявления и характеристики.

Остается неизвестным, что стало с внутренними документами Варшавского университета, где историк работал в течение сорока лет. В картотеке архива университета есть информация о деле Кеневича, однако в этой папке содержатся другие сведения, касающиеся его дочери Терезы — доцента кафедры англистики Варшавского университета⁴. В деле хранятся в основном копии документов официального характера. Судьба материалов, связанных со С. Кеневичем, неизвестна.

Личные дела Стефана Кеневича, находящиеся в польских архивах, ранее не использовались исследователями.

³ *Archiwum Instytutu Historycznego Polskiej Akademii Nauk, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205; Archiwum Uniwersytetu Jagiellońskiego, Akta Stefana Kieniewicza, sygn. Whm 36 Kieniewicz Stefan.*

⁴ *Archiwum Uniwersytetu Warszawskiego, Akta pracownicze Stefana Kieniewicza, sygn. K.12.323.*

В архиве РАН (Москва) хранится обширная документация Института славяноведения и балканистики за 1947—1995 годы⁵, иллюстрирующая, в частности, международное сотрудничество института: выезды за границу, приглашения иностранных историков, протоколы заседаний по совместной работе. Эти документы являются незаменимым источником в изучении советско-польских научных отношений.

Важным источником для настоящей работы стали архивные и опубликованные материалы съездов и конференций польских историков⁶. Достоверность опубликованных в ПНР материалов требует подтверждения, поскольку издания имели официальный характер и контролировались партией. Сравнение этих данных с архивными материалами позволяет проследить подготовку к проведению мероприятий, изменения в составе участников и организаторов, выявить информацию, не вошедшую в официальные издания.

Основную часть второй группы источников, личного происхождения, составляют материалы Кеневича: 1) автобиографические⁷; 2) корреспонденция⁸; 3) художественные и публицистические⁹. Любую автобиографию необходимо рассматривать с точки зрения достоверности и учета авторской интерпретации. Автор мог неточно отразить какие-то события или сознательно их исказить, поэтому нужно проверять факты с помощью других источников. С другой стороны, повествуя о своей жизни, он создает собственный образ, который важен для понимания мировоззрения, ценностей и взглядов автора. К сожалению, до сих пор не открыт доступ к личному архиву историка, хранящемуся у его семьи¹⁰.

⁵ *Архив* РАН. Ф. 1965. Оп. 1.

⁶ *Archiwum* Akt Nowych (*далее* — AAN), Wydział Nauki KC PZPR, sygn. 237/XVI-178; *Arhiwum* Polskiej Akademii Nauk, I Kongres Naukowy, sygn. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)»; *Koroluk W., Miller I., Misko M.* Nauka polska na VII Zjeździe Historyków we Wrocławiu w 1948 r. // *Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej*. Warszawa, 1950. S. 257-309; *Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich*. Warszawa, 1953. T. 1; *Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały*. Toruń, 2014.

⁷ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1980. R. XXV, № 2. S. 243-267; *Kieniewicz S.* To i owo 1938—1948 // *Polskie Towarzystwo Historyczne 1886—1986. Zbiór studiów i materiałów*. Wrocław, 1990. S. 233-235; *Kieniewicz S.* Sens czy też bezsens walk o niepodległość? // *Kultura i społeczeństwo*. 1991. № 35/2. S. 23-31; *Kieniewicz S.* A ja do biblioteki... // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 293-297; *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 7-12.

⁸ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* Korespondencja z lat 1947—1990. Kraków, 2012.

⁹ *Kieniewicz S.* Rachunek sumienia // *Tygodnik Powszechny*. 1989. Nr. 52-53. S. 5; *Kieniewicz S.* Bezdomni. Powieść z czasów rewolucji rosyjskiej 1917 r. Mysłowice, 2007. T. 1. 96 s.

¹⁰ *Szwarc A.* Przedmowa // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 9.

Также к группе источников личного происхождения относятся опубликованные воспоминания А. Кеневича (1877—1960), отца ученого¹¹; документы партийного деятеля Я. Бермана (1901—1984); историка Ж. Кормановой (1900—1988), опубликованные интервью некоторых современников Кеневича; интервью автора диссертации с польской исследовательницей В. Сливовской (1931 г.р.)¹², которая была одной из первых учениц Кеневича, а позже коллегой, постоянным членом редакции издания источников по Январскому восстанию. Интервью позволяет сделать некоторые уточнения, касающиеся личности историка и сотрудничества с советскими учеными.

Третья группа объединяет научные труды Кеневича, поскольку в диссертации неоднократно поднимаются историографические вопросы. Такое рассмотрение библиографии является традиционным для историографических исследований¹³, а классификация уместна и для работ по интеллектуальной истории. В статьях и монографиях Кеневича отражаются эволюция его теоретических взглядов, изменение научных интересов и превратности развития исторической науки в Польше.

Степень изученности темы. В исследованиях по интеллектуальной истории значительное внимание уделяется историографическим аспектам, что позволяет в разных плоскостях рассмотреть изучаемый объект. В рамках такого подхода большая часть литературы является одновременно и источником, и исследованием по изучаемой теме. Такие работы отражают развитие исторического знания в XX столетии и позволяют определить место работ Кеневича в исторической науке в целом, что их объединяет или отличает от похожих исследований. Таким образом, целесообразно рассмотреть историографию в двух категориях: 1) общая литература по истории Польши XIX—XX веков и 2) литература о польской исторической науке и, непосредственно, о Кеневиче.

К первой группе относятся исторические исследования по темам, которыми занимался С. Кеневич, и общие работы по истории Польши.

История польских восстаний находилась в фокусе внимания советских ученых-славистов и представлена отдельными исследованиями по этой теме или общими работами по истории России и Польши. Центром изучения польской истории XIX века был Институт славяноведения АН

¹¹ Kieniewicz A. Nad Prypecią, dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989.

¹² Сливовская В. Интервью / беседовал А.А. Солдатов. Варшава, 23.11.2015 (личный архив автора); AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325; AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242; Geremek B., Vidal J.C. Rozmowy. Warszawa, 2015. S. 43-46; Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001.

¹³ См., напр.: Туманин В.Е. «Historia — moje życie»...

СССР, а к наиболее значимым исследованиям относятся публикации В.А. Дьякова и И.С. Миллера¹⁴.

В современной российской историографии сохраняется интерес к польским бунтам и различным аспектам Январского восстания. Так, в коллективном исследовании «Западные окраины Российской империи»¹⁵, значительное внимание уделяется польскому движению, внутреннему развитию Царства Польского и имперской политике в регионе, приведших к восстанию 1863 года. Не имея возможности подробнее раскрыть историю этого события, авторы указали основную литературу. Первой в позиции стоит монография Кеневича, обозначенная как «классическая работа»¹⁶, а большая часть источников, использованных в книге, была опубликована в томах «Январское восстание. Материалы и документы».

В 2013 году в Москве прошла российско-польская конференция «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши», итоги которой были опубликованы в одноименном сборнике¹⁷. Участники рассмотрели разные аспекты восстания (историографические

¹⁴ *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960; Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972; Зайцев В.М. Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского (по материалам Аудиториатского департамента Военного министерства) // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 7-39; Лейкина-Свирская В.Р. Показания о Январском восстании. Рецензия // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 675-682; Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30-40-х годах XIX столетия) // Ученые записки Института славяноведения. 1949. Т. 1. С. 119-240; Миллер И.С. Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968. С. 7-19; Морозова О.П. Бронислав Шварце как историк восстания 1863—1864 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. / под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, А.М. Орехова. М., 1971. С. 46-86; Нефёдов И.М. О революционной агитации в частях австрийской армии накануне краковского восстания 1846 г. и участии в нем солдат украинцев // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968. С. 194-214; Смирнов А.Ф. «Мужицкая правда» // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 11-62; Тальвирская З.Я. К истории аграрной программы «Мужицкой правды» // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 40-86; Sztakelberg J. Pieczęcie powstańcze 1863—1864. Warszawa, 1988.*

¹⁵ *Западные окраины Российской империи. М., 2007.*

¹⁶ Там же. С. 203.

¹⁷ *Польское Январское восстание 1863 г. и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания). М., 2014.*

вопросы, вклад отдельных участников, общественно-политическую мысль и пр.) и его роль в формировании исторической памяти в России и Польше.

Для понимания общих политических процессов, протекавших в Польше в прошлом столетии, важной является коллективная работа «Польша в XX веке»¹⁸. Авторы сосредоточились на политической истории, но в то же время вплели в общий контекст изменения, происходившие в науке и в жизни польской интеллигенции того периода. Таким образом, работа позволяет проследить разные аспекты жизни польского общества.

Исследования польских ученых по истории собственной страны представлены в диссертации в контексте анализа роли Кеневича в развитии польской науки и для иллюстрации событий, участником которых он был¹⁹.

Литература о польской историографии представлена общими работами по истории науки и отдельными исследованиями биографии Кеневича. В Советском Союзе изучение этих тем не было популярным среди ученых. В целом развитие историографии ПНР рассматривали И.М. Белявская,

¹⁸ *Польша в XX веке: очерки политической истории* / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.

¹⁹ *Новак А.* Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // *Западные окраины Российской империи*. М., 2007. С. 429-466; *Assorodobraj N.* W sprawie kryterium postępowości w historii historiografii // *Kwartalnik historyczny*. 1953. R. 60, №4. S. 150-186; *Bardach J.* Optymistyczna czy pesymistyczna ocena przeszłości. Kształtowanie się narodu i świadomości narodowej. Problem rewolucji agrarnej // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 44-46; *Dutkiewicz J.* Marceli Handelsman jako badacz epoki napoleonowskiej // *Przegląd historyczny*. 1966. T. 57, № 4. S. 512-527; *Feldman J.* Sprawa posłka w roku 1848. Kraków, Warszawa. 1933; *Halicz E.* Optymizm czy pesymizm? Chłopsstwo w walkach narodowowyzwoleńczych // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 70-71; *Historia Polski (1764—1854)*. Makiet. T. 2. cz. 2 / pod red. S. Kieniewicza, W. Kuli. Warszawa, 1955; *Historia Polski (1764—1854)*. T. 2, cz. 3 / pod red. S. Kieniewicza, W. Kuli. Warszawa, 1959; *Koberdowa I.* Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863. Warszawa, 1962; *Kunert A.K.* Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej. 1939—1944. Warszawa. 1987. T. 2; *Leskiewiczowa J.* Ogólna ocena ujęcia problematyki agrarnej // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 95-98; *Mazur G.* Biuro Informacji i Propagandy SZP-ZWZ-AK 1939—1945. Warszawa, 1987; *Polski słownik biograficzny*. 1992. T. 34.; *Przyborowski W.* Przyczyny upadku Polski. Warszawa, 1910; *Serejski M.* Joachim Lelewel. Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce. Warszawa, 1953; *Skalkowski A.M.* Jan Henryk Dąbrowski. Cz. 1. Na schyłku dni Rzeczypospolitej (1755—1795). Warszawa, 1904; *Skalkowski A.M.* Książę Józef. Bytom, 1913; *Tymieniecki K.* Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. Warszawa, 1921; *Wereszycki H.* Historia polityczna Polski 1864—1918. Kraków, 1947; *Wereszycki H.* Pesymizm błędnych tez // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 13-30; *Wereszycki H.* Rec.: Irena Koberdowa. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863, Warszawa 1962 // *Przegląd historyczny*. 1963. T. 54, № 1. S. 350-353; *Wereszycki H.* Dzieło o powstaniu styczniowym // *Tygodnik Powszechny*. 1972. R. 26. № 32. S. 1-2; *Wiosna ludów na ziemiach polskich* / pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa, 1948—1955. T. 1-4; *Żychowski M.* Związek między walką antyfeudalną chłopstwa a walką o niepodległość. Ocena Ludwika Mierosławskiego // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 165-166.

Н.И. Бухарин и Л.А. Зашкильняк²⁰. В этих работах, отмеченных печатью времени, акцент сделан на политике ПОРП в сфере науки, развитие которой авторы оценивали с точки зрения прогресса, заключавшегося в укоренении марксистско-ленинской теории.

В постсоветской России изучение польской исторической науки привлекает немногих исследователей и затрагивается в основном в общих работах и отдельных статьях по историографии и польско-советским отношениям²¹. Так, Л.Е. Горизонтов представил подробный анализ процесса сталинизации польской науки, переосмыслив бытовавшее прежде мнение о тотальности и безусловной успешности этого процесса²².

На основе обширных архивных документов Б.В. Носов подробно изложил некоторые аспекты сотрудничества советских и польских историков в 1940—1950-х годах²³, а Л.П. Марней представила историю становления Комиссии историков, объединившей ученых из обеих стран²⁴.

Стабильный интерес к изучению польской исторической науки наблюдается в Казани, где под руководством доктора исторических наук и профессора И.И. Шарифжанова развивается историческая полонистика. Необходимо выделить два исследования, посвященных польским историкам: монографию В.Е. Туманина о Е. Топольском и диссертацию В.О. Сеницына о В. и Р. Слизовских²⁵.

Несомненно, существенное внимание развитию исторической науки и общественной мысли ПНР уделяется в самой Польше. Анализ этой темы и дискуссии вокруг нее велись уже в Народной Польше²⁶. Данные статьи и

²⁰ *Белявская И.М.* Развитие исторической науки в Польше (1945—1964) // *Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки*. М., 1968. С. 325-333; *Бухарин Н.И.* Интеллигенция Польской Народной Республики. М., 1977; *Зашкильняк Л.А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986. С. 63-80.

²¹ *Горизонтов Л.Е.* Историческая наука послевоенного десятилетия // *Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870—1965)*. М., 1991. С. 127-155; *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // *Дьяков Владимир Анатольевич (1919—1995)*. М., 1996. С. 10-37; *Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)* / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017.

²² *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40—50-х гг. и советская историческая школа // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 50-66.

²³ *Носов Б.В.* Сотрудничество российских и польских историков в 1940—1950-е годы (в свете документов Архива Российской академии наук) // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII—XX w.* Warszawa, 2013. S. 175-202.

²⁴ *Марней Л.П.* Комиссия историков СССР и ПНР 1965—1968 годов: к истории основания // *Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)*. М., 2017. С. 43-60.

²⁵ *Туманин В.Е.* «Historia — moje życie»...; *Сеницын В.О.* Указ. соч.

²⁶ *Berghauzen J., Groniowski K., Rymszyńska M., Zahorski A.* Konferencja w Sulejówku (14—17.IV.1957 r.) // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, №4-5. S. 4-12; *Bobińska C.* Spór o ujęcie

recenzji отражают изменения, произошедшие в польской науке в разные годы, а полемика велась преимущественно вокруг способов трактовки прошлого и степени влияния государства и партии на развитие исторического знания.

Большой свободой в оценках, в сравнении с предшественниками, обладают современные польские историки: М. Вольневич, М. Гурный, З. Ромек, Т.П. Рутковский, Р. Стобеский, П. Хюбнер, Я. Шумский²⁷, работы которых выполнены на высоком научном уровне, с привлечением материалов польских и российских архивов. Акцент в исследованиях

pozytywizmu i historyków pozytywistów // *Kwartalnik historyczny*. 1954. R. 61, № 1. S. 178-204; *Bobińska C.* Walka z wulgaryzacją a marksistowska metoda krytyczna. Programy polityczne w sprawę chłopskiej // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 171-177; *Dyskusja* nad obecnym stanem i możliwościami rozwojowymi naszej nauki historycznej // *Kwartalnik historyczny*. 1956. R. 63, № 6. S. 72-87; *Grabski A.F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000; *Gąsiorowska N.* Z problemów dyskusyjnych w historiografii epoki przejściowej od feudalizmu do kapitalizmu w Polsce // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 56-63; *Kancewicz J.* Żanna Kormanowa (1900–1988) // *Kwartalnik historyczny Ruchu Zawodowego*. 1988. № 4. S. 161-163; *Kula W.* W sprawie naszej polityki naukowej // *Kwartalnik historyczny*. 1956. R. 63, № 3. S. 151-166; *Leśnodorski B.* Nauka historii w pierwszym dziesięcioleciu Polski Ludowej // *Kwartalnik historyczny*. 1955. R. 62, № 1. S. 18-58; *Łazuga W.* Wokół początków poznańskiego środowiska historycznego // *Środowiska historyczne II Rzeczypospolitej. Część II*. Warszawa, 1987. S. 176-185; *Malewski A., Topolski E.* Materializm historyczny w pracach historyków polskich // *Studia Filozoficzne*. 1959. № 6. S. 3-17; *Maternicki J.* Historiografia polska XX wieku. Cz. 1. Lata 1900—1918. Wrocław, 1982; *Topolski E.* Polish Historians and Marxism after World War II // *Studies in Thought*. 1992. Vol. 43, № 2 (Polish Philosophy at the Crossroad). P. 169-183; *Serejski M.* Studia nad historiografią Polski. Cz. I. K.B. Hoffman. Łódź, 1953; *Szwarc A.* „Pieczęcie powstańcze 1863—1864”, Jurij I. Sztakelberg, przekład autoryzowany Wiktorii Śliwowskiej, przedmową poprzedził Stefan Kieniewicz. Tablice pieczęci i ilustracje do druku przygotował Stefan K. Kuczyński, Warszawa 1988 [recenzja] // *Przegląd historyczny*. 1989. T. 80, № 3. S. 629-630.

²⁷ *Вольневич М.* Советская дискуссия о макете второго тома *Истории Польши* // *Rozprawy z Dziejów Oświaty* / pod red. J. Schiller-Walickiej. Warszawa, 2017. T. LIV. S. 147-181; *Górny M.* Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2007; *Hübner P.* Nauka polska po II wojnie światowej — idee i instytucje. Warszawa, 1987; *Hübner P.* Polityka naukowa w Polsce w latach 1944—1953. Geneza systemu. Wrocław, 1992. T. 2. S. 477-849; *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944—1970. Warszawa, 2010; *Rutkowski T.P.* Kormanowa Żanna // *Encyklopedia Białych Plam*. Radom, 2003. T. 10. S. 124-126; *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007; *Rutkowski T.P.* IX Powszechny Zjazd Historyków Polskich, Warszawa 1963 r. // *Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały*. Toruń, 2014. S. 148-151; *Stobiecki R.* Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa, 2007; *Stobiecki R.* Witold Kula (1916–1988). Historycz zaplątany w historii // *Historycy polscy wobec wyzwań XX wieku*. Poznań, 2014. S. 273-306; *Stobiecki R.* Żanna Kormanowa (1900–1988). Szkic do portretu «wojującej» marksistki // *Historycy polscy wobec wyzwań XX wieku*. Poznań, 2014. S. 205-233; *Szumski J.* Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964. Warszawa, 2016.

сделан в основном на сталинистский период, что обусловлено общим научным интересом к переустройству страны в послевоенные годы.

Помимо упоминания общеизвестных достижений Кеневича, в этих работах подчеркивается его вынужденное, в результате сталинизации науки, обращение к марксизму. Дальнейшему развитию его взглядов внимание обычно не уделяется.

Историография работ о Кеневиче представлена в основном отдельными статьями о разных аспектах его жизни и творчества, большинство из которых написаны учениками историка²⁸. Отдельно стоит указать работу Э. Орман, опубликовавшую корреспонденцию Кеневича и Х. Верещицкого и использовавшую новые материалы для написаний биографии двух ученых, сравнив их жизненные пути и судьбы²⁹.

Стоит заметить, что польские историки обычно стараются обходить тему методологических предпочтений Кеневича, лишь указывая, что ученый руководствовался «прежде всего объективной правдой»³⁰, «прагматичной методологией»³¹ и необходимостью всесторонней критики источников³². Причины поверхностного рассмотрения его теоретических взглядов связаны с общим отношением к марксизму в Польше, который был вытеснен трансформацией 1990-х годов как идеология и как методология. Р. Стобецкий пишет по этому поводу: «В современной отечественной (польской. — А.С.) историографии, в отличие от западной, марксизма фактически нет... Публичное признание в сообществе в

²⁸ Сливовская В. Совместная советско-польская комиссия и издание исторических источников // *Clio Moderna*. Казань, 2001. Вып. 8. С. 17-31; Шварц А. Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX в. // *Российско-польские научные связи в XIX-XX вв.* М., 2003. С. 218-226; Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010; Chudyński M. Pamięci profesora Stefana Kieniewicza // *Notatki Płockie*. 1992. № 37-3. S. 37-41. URL: http://mazowsze.hist.pl/40/Notatki_Plockie/826/1992/1315/3_152_31808 (дата обращения: 15.10.2018); Dylągowa H. Seminarium Profesora Stefana Kieniewicza // *Tradycja a współczesność. Księga pamiątkowa Instytutu Historycznego Uniwersytetu Warszawskiego 1930—2005*. Warszawa, 2005. S. 212-213; Grochulska B. O sztuce krytyki. Stefan Kieniewicz — recenzent // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 43; Groniowski K. Seminarium Stefana Kieniewicza // *Przegląd historyczny*. 2000. T. 91, № 3. S. 405-433; Homola-Skapska I., Markiewicz H. Biografistyka w twórczości Stefana Kieniewicza // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 13-27; Skowronek J. Stefan Kieniewicz (1907—1992) // *Nauka Polska*. 1993. № 4. S. 161-167; Szwarc A. Przedmowa do trzeciego wydania // *Kieniewicz. S. Powstanie styczniowe*. 2009. S. IX-XVI; Śliwowska W. Stefan Kieniewicz — edytor // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 29-38; Śliwowska W. Stefan Kieniewicz jako wydawca źródeł do dziejów powstania styczniowego // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Lublin, 1993. S. 1-5.

²⁹ Orman E. O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u na przykładzie Henryka Wereszyckiego i Stefana Kieniewicza // *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947—1990*. Kraków, 2012. S. 5-82.

³⁰ Chudyński M. Op. cit.

³¹ Skowronek J. Stefan Kieniewicz (1907—1992)... S. 164.

³² Homola-Skapska I., Markiewicz H. Op. cit. S. 14.

материалистическом понимании истории, цитирование классиков считается постыдным»³³. Попытки оценить творчество Кеневича могли привести к критике его как историка, поддерживавшего коммунистическую идеологию, поэтому авторы только констатировали профессионализм ученого в базовых методах исследования, не причисляя Кеневича к конкретной методологической школе, но в то же время указывая на высокий уровень его работ вне зависимости от теоретического дискурса.

В этом контексте стоит особо выделить статьи М. Вольневича, посвященные месту национальных восстаний в исторической рефлексии Кеневича³⁴. Они принадлежат к числу немногих исследований научного творчества Кеневича, опубликованных в Польше. Автор анализирует взгляды историка на основе сравнения его видения восстаний XIX века и концепций интерпретации польской повстанческой традиции. Также М. Вольневич указал на разницу в методологических взглядах Кеневича до и после Второй мировой войны, отметив, что еще в начале своей научной деятельности историк стал интересоваться социальной проблематикой восстаний XIX века³⁵.

В российской историографии тематика жизни и творчества Кеневича занимает заметно меньшее место. Для довоенной советской историографии характерно игнорирование работ Кеневича (1930-е — конец 1940-х годов), чему были объективные причины. По замечанию О.С. Каштановой, если исходить из масштабов проводимых исследований, «в 1920—1930-е гг. наблюдался упадок отечественной славистики»³⁶. Многие дореволюционные ученые эмигрировали, происходила переориентация науки на основе принципов исторического материализма, поэтому наибольший интерес вызывали польские историки-коммунисты.

В советских научных изданиях было опубликовано несколько рецензий на работы Кеневича. Для них характерна высокая оценка творчества польского ученого³⁷ и его заслуг в издании серии документов³⁸.

³³ *Stobiecki R. Historiografia PRL... S. 183.*

³⁴ *Wolniewicz M. Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi». Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2006. T. 2. S. 91-119; Wolniewicz M. W poszukiwaniu utraconego «optymizmu» Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza (1956—1958) // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2008. T. 3. S. 163-186.*

³⁵ *Wolniewicz M. Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi»... S. 96.*

³⁶ *Каштанова О.С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 г. и исторические судьбы России и Польши... С. 60.*

³⁷ *Миллер И.С., Штакельберг Ю.И. S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 114-116; Миллер И.С. «Восстание 1863 года» (об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 36-47; Миллер И.С. Восстание 1863 г. (По поводу*

В России опубликовано две биографические статьи о Кеневиче В.А. Дьякова и Б.В. Носова³⁹, в которых авторы повествуют о ключевых событиях в его жизни и сотрудничестве с советскими учеными. Отечественные историки стремились отдать дань уважения польскому коллеге, отмечая его выдающиеся способности и вклад в развитие науки⁴⁰.

Таким образом, в науке до настоящего времени отсутствует комплексное изложение биографии Кеневича, хотя в польской историографии, по сравнению с российской, наблюдается больший интерес к его творчеству. Это обусловлено тем, что ученый является ярким представителем национальной историографии. В то же время оценки его творчества принципиально не менялись и заключались в констатации значимой роли историка для науки. Относительно недавно стали появляться более глубокие исследования, концентрирующиеся на реконструкции его теоретических взглядов.

В отечественной историографии сменились оценки развития польской исторической науки. Если советские историки видели исключительно прогрессивное развитие марксистской теории, то современные российские отошли от такого видения, обратив внимание на негативное влияние сталинизации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит, во-первых, в осуществлении впервые в историографии комплексного исследования биографии и научного творчества Стефана Кеневича;

во-вторых, во введении в научный оборот ранее не использованных историками источников, необходимых для решения поставленных в диссертации задач.

Структура диссертации обусловлена поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, а также списка источников и литературы. В основе деления на главы лежит проблемно-хронологический подход.

монографии Ст. Кеневича «Январское восстание». Варшава, 1972) // Миллер И.С. Исследования по истории народов центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. С. 193-218.

³⁸ *Королюк В.Д., Миллер И.С.* О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 годов. // Новая и Новейшая история. 1958. № 5. С. 179; *Миллер И.С.* «Восстание 1863 года»...; *Фалькович С.М.* Новый шаг на пути изучения революционной ситуации в России и Царстве Польском в 60-х годах XIX в. // История СССР. 1963. № 6. С. 203-207.

³⁹ *Дьяков В.А.* Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке // Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 185-192; *Носов Б.В.* Стефан Кеневич (1907—1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши. К 50-летию Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук. М., 2008. С. 23-30.

⁴⁰ Там же. С. 23.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историко-теоретические взгляды Стефана Кеневича менялись на протяжении жизни. В 1930-е годы он рассматривал польские восстания в рамках политической истории как национально-патриотическое движение, что приближало его к пилсудистской историографии. После Второй мировой войны историк обратился к изучению общественной проблематики, а именно крестьянского вопроса. В основе его новых исследований лежала марксистская теория. Результатом методологических поисков ученого стало объединение его до- и послевоенных взглядов и представление Январского восстания 1863 года как акта национальной борьбы за независимость от Российской империи и революционного движения, в котором важную роль играли партия красных, выступавшая за вооруженную борьбу, и крестьянство.

2. Биография и творчество Стефана Кеневича являются примером того, что ПОРП не удалось установить полный контроль над наукой. Историк вынужденно обратился к марксизму в трактовке советской пропаганды, однако после 1956 года отошел от официальной интерпретации истории и разработал собственную концепцию. В дальнейшем Кеневич продолжал ревизию марксистской теории, опираясь, в частности, на свое довоенное видение прошлого. Такой подход позволил ему не занимать крайних позиций и представить оригинальный взгляд на историю восстаний.

3. Сотрудничество между польскими и советскими историками осложнялось значительным участием государственных властей в научных связях. Несмотря на влияние цензуры и трудности с доступом к архивам, смешанной комиссии специалистов под руководством В.А. Дьякова, С. Кеневича и И.С. Миллера удалось издать двадцать пять томов источников, которые до сих пор используются учеными для исследования истории России и Польши. Серия «Январское восстание. Материалы и документы» является примером продуктивного для развития науки сотрудничества советских и польских историков.

Апробация результатов. Выводы, представленные в диссертационном исследовании, отражены в пяти научных статьях, три из которых опубликованы в изданиях из списка ВАК (одно из которых входит также в базу SCOPUS). Основные положения работы были представлены на двух аспирантских научных конференциях кафедры истории Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (2015, 2016 годы), семинарах по истории науки проф. З. Ромека (отдел истории идей и интеллигенции в XIX—XX веках Института истории Польской академии наук) и магистерских семинарах проф. Л. Заштовта (Центр восточноевропейских исследований Варшавского университета) в рамках академической стажировки автора диссертации в Варшавском университете в 2014—2016 годах при поддержке программы «Erasmus Mundus Action 2 — Aurora».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** охарактеризованы актуальность диссертационного исследования, его объект, предмет, цели, задачи и хронологические рамки, проведен анализ источниковой базы и степени изученности темы, определены методологические основы, научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, а также представлена информация об апробации и структуре научной работы.

Глава 1 «Становление историка (1907—1945)» состоит из трех параграфов. В первом параграфе **«Семья и образование Стефана Кеневича»** дана характеристика среды, в которой вырос ученый, уделено внимание его детству и юности. Изучение этого периода жизни историка важно для дальнейшего понимания развития его взглядов, которые можно условно определить как патриотические. В их основе лежали дворянское происхождение и религиозность будущего ученого. Он указывал, что вырос в атмосфере общенационального подъема: в Дорошевичах (Мозырский уезд Минской губернии) говорили о польских неоромантиках, сам будущий ученый читал патриотическую литературу⁴¹. Свое восприятие революции 1917 года и вынужденный переезд в Варшаву юный Стефан изложил в рассказе «Бездомные...», изданном уже после смерти автора⁴². В нем Кеневич в художественной форме представил переживания из-за разрушения привычного уклада польской шляхты восточных кресов. В Познаньском университете он учился под руководством А. Скалковского интересовавшегося яркими героями, борцами за независимость рубежа XVIII—XIX веков. Кеневич с одной стороны принял его взгляды о роли личности в истории, но с другой не соглашался с пессимистическим видением пошлого в понимании краковской школы. Уже тогда он сторонился участия в политических движениях и, по собственному замечанию, был больше близок к «академическим организациям католического типа»⁴³.

Во **втором параграфе «Начало научной деятельности»** рассматриваются годы становления Кеневича как историка, учеба в аспирантуре Варшавского университета, а также его жизнь в годы войны. Взгляды историка получили отражение в диссертации и нескольких статьях, опубликованных в 1930-е годы. Аспирантуру он закончил под руководством М. Хандельсмана, научные взгляды которого значительно отличались от А. Скалковского: он в меньшей степени обращался к биографике, а больше интересовался общими вопросами, политическим и экономическим развитием, представлением отдельных событий на фоне национальных и общеевропейских процессов. На аспирантских семинарах

⁴¹ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 244.

⁴² Kieniewicz S. Bездомни. Powieść z czasów rewolucji rosyjskiej 1917 r. Mysłowice, 2007.

⁴³ Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 284.

Кеневич познакомился с исследователями, которые придерживались иных, левых, взглядов. Историк вспоминал: «В этом новом для меня сообществе я избавился от балласта консервативных и националистических предрассудков»⁴⁴. Было бы опрометчиво утверждать, что внешняя среда полностью определяла его мировоззрение. Скорее он старался найти что-то положительное для научной деятельности в разных теориях, отсеив при этом идеологическую шелуху. В 1934 году Кеневич защитил докторскую диссертацию «Польское общество в Познаньском восстании 1848 года»⁴⁵. Войну он пережил в столице, присоединившись к подпольной деятельности Бюро информации и пропаганды Армии Крайовой.

В третьем параграфе «Польские восстания в довоенном творчестве Кеневича» проводится анализ ранних взглядов Кеневича на историю польских восстаний. Историк в первых работах стремился понять глубинные причины национальной борьбы, психологию общества, выявить мотивы его поведения, желания и стремления. В этих поисках он отошел от политических процессов и обратился к социально-экономическим, что проявилось в его докторской работе. Ученый искал объективные, независимые от конкретных людей, процессы, которые привели к народным бунтам в Великой Польше, Галиции и других частях разделенного государства. Это были пробы в написании социальной истории Польши XIX столетия. В то же время Кеневич продолжал писать о значении отдельных исторических персонажей, которых принято называть «выдающимися личностями», в тех или иных событиях (Л. Мерославский, А. Сапега и другие). Историк был в самом начале профессионального пути, научный язык и собственный стиль только формировались, а теоретические взгляды колебались между позициями двух основных учителей — А. Скалковского и М. Хандельсмана. Но все поиски отошли на второй план в 1939 году с началом Второй мировой войны.

Глава 2 «Перелом и адаптация: Стефан Кеневич и польская историческая наука в 1945 — 1950-х годах» также состоит из трех параграфов и затрагивает влияние политических процессов в Польше на жизнь и творчество ученого.

В первом параграфе «Реформирование польской исторической науки» рассматриваются изменения в польской науке, произошедшие под натиском политических процессов. Биография Кеневича является ярким примером сложности развития исторической науки в ПНР, общественно-политических, а также советско-польских отношений. Не занимавшие полярных позиций историки должны были найти свое место в стране, оказавшейся после войны в сфере влияния СССР. Перед Кеневичем стоял вопрос, как в новых условиях проводить качественные исследования. При

⁴⁴ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 247.

⁴⁵ Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa, 1935.

этом на него оказывали давление ортодоксальные историки-марксисты. Его доклады не публиковались⁴⁶, на I Методологической конференции в Отвоцке (рубеж 1951—1952 года) он обнаружил себя среди «черных овец» — ученых, в чьей лояльности партия не была уверена⁴⁷, а главный проводник сталинизации науки Ж. Корманова в конспектах выступлений Кеневича обвиняла его в «кустарничестве и ползучем эмпиризме»⁴⁸, то есть непрофессионализме и игнорировании марксистской теории в сталинистской интерпретации. Выходом для Кеневича было декларативное принятие навязываемой методологии.

Во втором параграфе «**“Оттепель” и десталинизация в польской исторической науке**» проведен анализ изменений, которые произошли в польской науке во второй половине 1950-х годов. Отражением политических изменений стало издание учебника «История Польши», редакторами которого были С. Кеневич и В. Куля. Работа над ним началась в 1952 году, в период активной сталинизации науки, а результаты были опубликованы в макете в 1957 году, когда часть исторического сообщества обнаружила стремление освободиться от партийного идеологического контроля. Дискуссия между сторонниками (Х. Верещицкий) и критиками десталинизации науки развернулась 14—17 апреля 1957 года на конференции в Сулеювке. Редакторы приняли ряд замечаний Верещицкого, хотя марксистская методология осталась теоретической базой учебника. Несогласие Кеневича с партийными историками неудивительно, если учесть, что он вынужденно обратился к марксизму после Второй мировой войны.

В третьем параграфе «**Марксистская методология в творчестве Стефана Кеневича**» проводится анализ изменений теоретических его взглядов на историю польских восстаний. В силу общественно-политических причин, давления со стороны ревнителей сталинистской науки историк был вынужден принять насаждаемую модель исторического материализма. Он не только перенял советский марксистский дискурс, но и адаптировал свои исследования в ключе новой методологии. Кеневич впервые заявил о крестьянских восстаниях как проявлении «классовой борьбы», начал критиковать с марксистских позиций коллег по цеху и назвал центральной задачей изучение истории классовой борьбы и ревизию устаревших взглядов в польской науке в статье «Классовая борьба польских крестьян в XIX и XX вв. в освещении польской историографии»⁴⁹. Но историку требовалось время, чтобы сориентироваться в меняющемся состоянии дел в государстве. Уже в 1954

⁴⁶ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 266-267.

⁴⁷ Ibid. S. 255.

⁴⁸ AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 64.

⁴⁹ Kieniewicz S. Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. w oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58, № 1. S. 39—57.

году он упрекал коллег-марксистов в однобоком восприятии «буржуазной» историографии и игнорировании классических научных методов⁵⁰. Развернувшись в сторону официальной теории, ученый не перестал критично относиться к проводимым исследованиям, так что его методологическая переориентация носила скорее декларативный характер.

На примере биографии Кеневича видно, что, несмотря на давление власти и поддерживающих ее историков, в науке сохранилась относительная свобода творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами).

Глава 3 «Стефан Кеневич на пути к историческому синтезу» характеризует дальнейшую эволюцию взглядов Кеневича и его профессиональное развитие. Она также состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «„Январское восстание. Материалы и документы”» освещается организация IX Всеобщего съезда польских историков, посвященного столетней годовщине 1863 года, и роль Кеневича в издании источников Январского восстания. Он был редактором шестнадцати томов и соредактором девяти. Советско-польский проект дал сильный импульс к развитию научных отношений между двумя странами. Не обошли его стороной цензура, о чем вспоминает В. Сливовская⁵¹, и официальная идеология, определявшая структуру издания (акцент был сделан на революционной борьбе и дружбе народов). Часто камнем преткновения между польскими и советскими историками выступал национальный вопрос. Кеневич на одном из заседаний комиссии указывал, что русско-польскому революционному союзу в XIX веке мешал вопрос о независимости Польши⁵². Несмотря на трудности, ученым удалось собрать незаменимую источниковую базу по истории восстания.

Второй параграф «Январское восстание в концепции Стефана Кеневича» посвящен его концепции событий 1863 года. В монографии «Январское восстание»⁵³ ему удалось объединить разные подходы к пониманию прошлого, оставаясь верным своим первым довоенным разработкам, в которых восстание было представлено как национальная борьба за независимость, и развивая марксистское видение — не обходя вниманием общественные процессы, подчеркивая революционный характер восстания и роль «угнетаемых» классов (в первую очередь крестьян). Ученый стремился показать, что понимание роли тех или иных сил в восстании является аксиологической проблемой. Подтверждение этому тезису находится в тексте исследования: «Красные указывали белым

⁵⁰ Kieniewicz S. Jeszcze na temat zadań historii historiografii // Kwartalnik historyczny. 1954. R. 61, № 3. S. 197.

⁵¹ Сливовская В. Интервью (2015); Сливовская В. Совместная советско-польская комиссия и издание исторических источников... С. 20-21.

⁵² АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 362. Л. 75-76.

⁵³ Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.

на отсутствие патриотизма, белые красным — на отсутствие политического благоразумия. Нам не выпутаться из этой старой полемики, пока не признаем за одной и другой стороной одинаково патриотичных побуждений...»⁵⁴

Третий параграф «Роль Стефана Кеневича в исторической науке» охватывает разные аспекты его профессиональной деятельности и репрезентацию творчества в советской историографии. Много лет он преподавал в Варшавском университете, был редактором журнала «Пшеглэнд хисторычны» (с 1952 года), написал 182 статьи для «Польского биографического словаря», исполнял обязанности заместителя директора по научной части Института истории ПАН (1953—1968) и председателя Комитета исторических наук (1969—1978). Советские ученые с уважением, может, даже с некоторым пиететом, относились к Кеневичу, регулярно ссылались на его работы в рамках исследования революционного движения⁵⁵ и аграрного вопроса⁵⁶, зачастую не давая никакого анализа и сопровождая цитаты благожелательными характеристиками⁵⁷. Хотя Кеневич воспринимался как марксистский историк⁵⁸, его творчество в основном оставалось известно ограниченному кругу специалистов. Работы ученого не фигурировали в списках литературы вузовских учебников по истории⁵⁹, хотя могли быть полезным

⁵⁴ Цит. по переизданию: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe*. Warszawa, 2009. S. 224.

⁵⁵ *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов*. Сборник статей и материалов...; *Дьяков В.А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890)... С. 13; *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979. С. 172, 246; *Миллер И.С.* Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей... С. 14; *Миско М.В.* Польское восстание 1863. М., 1962; *Морозова О.П.* Указ. соч. С. 46–86; *Нефёдов И.М.* Указ. соч. С. 194, 196, 197, 201, 202, 205.

⁵⁶ *Зайцев В.М.* Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского... С. 16, 23, 26; *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 59, 61, 69, 74, 85, 87; *Костюшко И.И.* К столетию восстания 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине // *Вопросы истории*. 1963. № 1. С. 93, 95, 96; *Тальвирская З.Я.* Указ. соч. С. 41.

⁵⁷ *Дьяков В.А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890)... С. 13; *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 682; *Миско М.В.* Указ. соч. С. 138; *Морозова О.П.* Указ. соч. С. 68; *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. С. 110.

⁵⁸ Например, Л.А. Зашкильняк упомянул Кеневича среди «молодых историков... учеников Хандельсмана», проявлявших интерес к марксизму. См.: *Зашкильняк Л.А.* Указ. соч. С. 65. А И.М. Белявская — как одного из историков, чей поворот к марксизму «ознаменовался созданием ряда ценных работ по вопросам польского освободительного движения и социально-экономических отношений в первой половине XIX века». *Белявская И.М.* Указ. соч. С. 327.

⁵⁹ *История южных и западных славян*. Курс лекций. М., 1979; *Новая история стран Европы и Америки*. Первый период. М., 1986.

подспорьем в изучении революционного движения. А на русском языке была издана только одна книга — об И. Лелевеле⁶⁰. В то же время в Польше его фигура является в некотором роде культовой. Исследование истории Январского восстания не может обойтись без отсылки к его творчеству.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стефан Кеневич является одним из выдающихся польских историков, исследования которого занимают важное место в исторической науке.

Мировоззрение Кеневича и взгляды на прошлое сформировались до Второй мировой войны. Значительное влияние на них оказало дворянское происхождение историка, его религиозность и атмосфера национального подъема в связи с возрождением польского государства. В первых работах о революции 1848 года и восстании 1863 года он рассматривал повстанческую традицию как национальную борьбу за независимость, борьбу против государств, участвовавших в разделах Польши, результатом которой стало возвращение независимости в 1918 году.

Послевоенная сталинизация Польши была настоящим вызовом для Кеневича, которому нужно было адаптироваться к новым политическим реалиям и определиться со своим отношением к насаждаемому сталинистскому марксизму. Ученый не стал вступать в конфликт с оказывавшими на него давление партийными историками. Он опубликовал ряд статей, которые разительным образом отличались от его предыдущих работ. В их основе лежала официальная марксистская теория.

Однако начавшаяся десталинизация позволила ему уйти от насаждаемой властью модели истории и перейти к разработке собственной концепции, которая получила свое воплощение в монографии «Январское восстание». На основе широкой источниковой базы Кеневич представил политическую историю восстания, затронув ряд общественно-экономических вопросов, связанных с изменением структуры польского общества, развитием национального самосознания и другие. В данной работе он интерпретировал восстание не только как национально-освободительную и классовую борьбу, что вписывалось в рамки марксистской интерпретации, но и как патриотическое движение за независимость, вернувшись, таким образом, к своим довоенным взглядам.

Обращение Кеневича к марксистской теории не было добровольным решением, но это не помешало ему переосмыслить ее и найти полезные для своих исследований методы. Приверженность принципу научности и здравому смыслу позволили ученому пройти сложный профессиональный

⁶⁰ Кеневич С. Лелевель. М., 1970.

путь и разработать собственную концепцию истории Январского восстания, занимающую центральное положение в историографии.

Важной вехой в научной деятельности Кеневича было издание совместно с советскими историками источников по истории Январского восстания. Международный коллектив ученых за четверть века проделал колоссальную работу, подготовив и опубликовав около 6200 документов.

На примере биографии Кеневича видно, что масштабное реформирование науки по советскому образцу лишь формально символизировало победу нового порядка, а марксизм как методология творчески понимался многими исследователями, которые старались избежать идеологизации историографии. Власти не удалось сохранить монополию сталинистского периода даже в международных контактах.

Несмотря на политическую конъюнктуру и лишение автономии, историческая наука в ПНР продолжала развиваться, в ее рамках были возможны плодотворные исследования на основе строгого соблюдения научных стандартов. Многие из этих работ не потеряли своей актуальности со временем. Одним из убедительных доказательств этого тезиса служит творчество Стефана Кеневича.

IV. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основное содержание диссертации изложено в пяти публикациях общим объемом 6,8 п. л.

I. В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Солдатов А.А. Творчество Стефана Кеневича в оценках современных польских историков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 6. С. 147-155.

2. Солдатов А.А. Рецепция творчества Стефана Кеневича в советской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 178-192.

3. Солдатов А.А. «Соус в котором нас готовят...» Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 63. С. 248-266 (журнал входит также в базу SCOPUS).

II. В других научных изданиях:

4. Солдатов А.А. «Оттепель» в польской исторической науке: дискуссия второй половины 1950-х годов о роли крестьянства в Январском восстании 1863 года // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: сборник научных статей. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 134-141.

5. Солдатов А.А. Историческая наука между Сциллой и Харибдой: советско-польские научные отношения в 1945—1964 гг. Рец.: Szumski J. *Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964*. Warszawa, 2016 // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2018. № 2 (15). С. 155-162.

Солдатов Антон Анатольевич

**СТЕФАН КЕНЕВИЧ
И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать

Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 1,5

Тираж 100 экз. Заказ 256

Отпечатано в типографии

Издательства Балтийского государственного университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6